

Во славном было во городе во Ростове,
У того попа Ростовского
Едино было чадо милое,
Удал добрый молодец на возрасте,
По имени Алешенька млад;
И стал Алешенька конем владеть,
И стал Алешенька мечом владеть.
Приходит Алешенька ко своему родителю,
К тому попу Ростовскому,
И падает ему во резвы ноги
И просит у него благословеньица
Ехать да во чисто поле во раздольице,
К тому ли ко синю морю,
На те же тихи заводи -
Стрелять гусей, белых лебедей,
Перистых пушистых серых утицей,
И стрелять во мерочки во польские,
Во то ли вострие ножевое.
И просил он себе у родного батюшки,
У того ли попа Ростовского,
Себе дружинишку хорошую,
Хорошую да хоробрую.
И дал ему Ростовский поп,
Своему чаду милому,
Благословенье с буйной головы до резвых ног.
И пошел же Алешенька на конюшен двор

Со своей дружиною хороброю,
И брали они коней добрых,
Надевали они на коней седлушка черкальские,
И затягивали подпруги шелковые,
И застегивали костылечки булатные
Во ту ли кость лошадиную,
И сами коню приговаривают:
«Уж ты, конь, ты, конь, лошадь добрая!
Не оставь ты, конь, во чистом поле
Серым волкам на растерзанье,
Черным воронам на возграенье,
А сильным поляницам на восхваленье».

Надевали на коней узду тесмянную,
И сами коню приговаривают:
«То не для-ради басы – ради крепости,
А не для-ради поездки богатырския,
Для-ради выслуги молодецкия».

Надевал Алешенька латы кольчужные,
Застегивал пуговики жемчужные
И нагрудничек булатный
И брал свою сбрую богатырскую:
Во-первых, копье долгомерное,
Во-вторых, саблю острую,
Во-третьих, палицу боевую,
В налушничек тугой лук
Да двенадцать стрелочек каленых;
Не забыл чинжалище, свой острый нож.

Только видели удала, как в стремя вступил,
А не видели поездки богатырския;
Только видели – в чистом поле курево стоит,
Курево стоит да дым столбом валит.

У рек молодцы не стаивали,
Перевоза молодцы не крикивали.
Они ехали из утра день до вечера
И доехали до расстаньюшка великого

На три дорожечки широкие:
Первая дорожечка во Киев-град,
Друга дорожечка во Чернигов-град,
Третья дорожечка ко синю морю,
Ко тому ко камешку ко серому,
Ко тому ко бережку ко крутому,
На те же тихи вешни заводи.

И говорил тут Алеша Попович млад:
«Уж ты гой еси, дружина добрая!
В котору дорожку наш путь лежит –
В Киев ли ехать, аль в Чернигов,
Аль к тому морю синему?»

И говорит дружина хоробрая:
«Уж ты гой еси, Алеша Попович млад!
Если ехать нам да во Чернигов-град,
Есть во Чернигове вина заморские,
Вина заморские да заборчивые:

По стаканчику выпьем – по другому хочется,
А по третьему выпьешь – душа горит;

Есть там калашницы хорошие:
По калачику съедим – по другому хочется,
По другому съедим – по третьему душа горит.

Есть там девушки хорошие:
Если на девушку взглянешь, так загуляешься,
И пройдет про нас славушка немалая,
Ото востока слава до запада,
До того города до Ростовского,
До того ли попа до Ростовского,
До твоего батюшки-родителя.

Поедем-ка мы, Алешенька, в Киев-град
Божьим церквам помолитися,
Честным монастырям поклонитися».

И поехали они ко городу ко Киеву.
Под тем под городом под Киевом
Сослучилося несчастье великое:

Обостала его сила неверная
Из той орды да великия,
По имени Василий Прекрасный,
И страшно, грозно подымается,
Нехорошими словами похваляется:
Хочет красен Киев в полон взять,
Святые церкви в огонь спустить,
А силу киевску с собою взять,
А князя Владимира повесить,
Евпраксию Никитичну взамуж взять.

И говорил-то тут Алеша Попович млад:

«Уж ты гой еси, дружинушка хоробрая!
Не поедем-ка мы теперича во Киев-град,
А напустимся на рать-силу великую,
На того ли Василия Прекрасного,
И слободим от беды крашен Киев-град;
Выслуга наша не забудется,
А пройдет про нас слава великая
Про выслугу нашу богатырскую,
И узнат про нас старый казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
Не дошедши старик нам поклонится».
И попускал он с дружинушкой хороброю
На ту силу-рать великую,
На того Василия Прекрасного,
И прибили тую силу-рать великую -
Кое сами, кое кони топчут,
И разбежалась рать-сила великая
По тому полю широкому,
По тем кустам ракитовым,
Очистила дорожку прямоезжую.
Заезжали они тогда во красен Киев-град,
Ко тем же ко честным монастырям.
И спросил-то их Владимир-князь:
«И откуда таки вы, добры молодцы,
И коими дорогами, каким путем?» –
«Заехали мы дорожкой прямоезжею».
И не просил их князь на почестен стол,

И садились тут добры молодцы на добрых коней,
И поехали они во чисто поле,
Ко тому ли городу Ростовскому,
Ко тому ли попу Ростовскому.
Прошла славушка немалая
От того ли города Ростовского
До того ли до города до Киева,
До тое ли горы до Черниговки,
До того ли шеломя окатистого,
До тое ли березоньки кудрявья,
До того ли шатра белополотняного,
До того ли удала добра молодца,
А по имени Ильи Муромца,
Что очистилась дорожка прямоезжая
От того ли Алешеньки Поповича.
И сам же старый да удивляется:
Уж как ездили добры молодцы да по чисту полю,
А не заехали удалы добры молодцы ко старому
Хлеба-соли есть да пива с медом пить.
Садится стар да на добра коня,
Приезжает стар да в красен Киев-град,
Ко тому ли ко столбу точеному,
Ко тому ли колечку ко витому,
Ко тому ли дворцу княжескому,
Ко тому ли крылечику прекрасному.
Не ясен сокол да опускается,
А то стар казак с коня соскакивает,

Оставляет коня не приказана, не привязана;

Забегает стар на красно крыльцо,

И проходит новы сени,

И заходит во светлу гридню,

И приходит старый, Богу молится,

На все стороны поклоняется,

Челом бьет ниже пояса:

«Уж ты здравствуешь, князь стольнокиевский!

Уж ты здравствуешь,

Апраксия-королевична!

Поздравляем вас с победою немалою.

Залетали ль сюда добры молодцы,

По имени и Алешенька Попович млад

Со своей дружинишкой хороброю?»

Отвечает ему князь стольнокиевский:

«Заезжали добры молодцы ко тем честным монастырям,

Уж я их к себе в дом да не принял,

И уехали они во далече чисто поле».

И сказал тут стар казак:

«Собери-тко-ся, князь Владимир, почестен пир,

Позови-тко-ся Алешу Поповича на почестен пир,

Посади-тко-ся Алешу во большо место

И уподчуй-ка-ся Алешу зеленым вином,

Зеленым вином да медом сладкиим,

И подари-тко-ся Алешу подарочком великиим.

И прошла уж славушка немалая

Про того Алешеньку Поповича

До той орды до великия,
До той Литвы до поганья,
До того Батяя Батеевича». -

«Да кого же нам послать за Алешенькой,
Да попросить его на почестен пир?

И послать нам Добрынюшку Никитича».

И поехал Добрынюшка Никитич млад.

Не дошедши, Добрынюшка низко кланялся:

«Уж ты гой еси, Алеша Попович млад!

Поедем-ка-ся во красен Киев-град,
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Хлеба-соли есть да пива с медом пить,
И хочет тебя князь пожаловать».

Ответ держит Алеша Попович млад:

«На приезде гостя не употчевал,
На отъезде гостя не употчевать».

Говорит тут Добрынюшка во второй након:

«Поедем, Алешенька, во красен Киев-град
Хлеба-соли есть, пива с медом пить,

И подарит тебя князь подарочком хорошим.

Да еще звал тебя старый казак

Илья Муромец сын Иванович,

Да звал тебя Дунаюшко Иванович,

Да звал тебя Василий Касимеров,

Да звал тебя Потанюшко Хроменький,

Да звал тебя Михайлушко Игнатьевич».

Тогда сажился Алеша на добра коня

С той дружинишкой хороброю,
Поехали они во далече чисто поле,
Ко тому ко граду ко Киеву,
И заезжают они не дорожкой, не воротами,
А скакали через стены городовые,
Мимо тое башенки наугольные,
Ко тому же ко двору княженецкому.
Не ясен сокол с воздуха спускается,
А удалы добры молодцы
Со своих коней соскакивают –
У того же столба у точеного,
У того же колечка золоченого;
А оставили коней неприказанных, непривязанных.
Выходил тут на крыльцо старый казак
Со князем со Владимиром, со княгинюшкой
Апраксию;
По колено-то у Апраксии наряжены ноги в золоте,
А по локоть-то руки в скатном жемчуге,
На груди у Апраксии камень и цены ему нет.
Не дошедши, Апраксия низко поклонилася
И тому же Алешеньке Поповичу:
«Уж многолетно здравствуй, ясен сокол,
А по имени Алешенька Попович млад!
Победил ты немало силы нонь,
И слободил ты наш красен Киев-град
От того ли Василя Прекрасного;
Чем тебя мы станем теперь, Алешу, жаловать?»

Пожаловать нам села с приселками,
А города с пригородками!
И тебе будет казна не затворена,
И пожалуй-ка-ся ты к нам на почестен стол».
И брала Алешеньку за белу руку
И вела его в гридни столовые,
Садила за столы дубовые,
За скатерти перчатные,
За кушанья сахарные,
За напитки разналивчатые,
За тую же за матушку белу лебедь.
Да сказал же тут Владимир стольнокиевский:
«Слуги верные, наливайте-тось зелена вина,
А не малую чарочку – в полтора ведра;
Наливайте-тось еще меду сладкого,
Наливайте-тось еще пива пьяного,
А всего четыре ведра с половиною».
И принимает Алешенька одною рукой,
И отдает чело на все четыре стороны,
И выпивал Алешенька чары досуха;
А особенно поклонился старику Илье Муромцу,
И тут-то добры молодцы поназванились:
Назвался старый братом старшиим,
А средним – Добрынюшка Никитич млад,
А в-третьих – Алешенька Попович млад,
И стали Алешеньку тут жаловать:
Села с приселками, города с пригородками,

А казна-то была ему не закрыта.
И ставал тут Алеша на резвы ноги,
И говорил Алеша таково слово:
«Не надоть мне-ка села с приселками,
Не надоть мне города с пригородками,
Не надоть мне золотой казны,
А дай-ка мне волю по городу Киеву,
И чтобы мне-ка кабаки были не заперты,
А в трактирах чтобы гулять дозволялося».

И брал он тут свою дружинишку хорошую да хоробрую

И своих братицей названных.
И гуляли они времени немало тут, -
Гуляли неделю, гуляли две,
А на третью неделю просыпалися,
И садилися удалы на добрых коней,
Поехали во далече чисто поле,
В то раздольице широкое.